

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ КАК СПОСОБ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ НА РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО
(на примере допросов Г.С. Люшкова)**

Орешенков Сергей Викторович, полковник запаса Министерства обороны Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, svoreshenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6501-7029>

Аннотация. В статье исследованы показания бывшего начальника УНКВД Дальневосточного края Генриха Самойловича Люшкова, данные им после побега в Японию 13 июня 1938 г. японским и германским спецслужбам и переданные в Германию в августе того же года. Показано, что весомая часть этих показаний не могла быть дана перебежчиком: их автор явно некомпетентен в вопросах государственного устройства СССР в целом и НКВД СССР в частности. Кроме того, протоколы допросов содержат многочисленные анахронизмы. На основании того, что некоторые анахронизмы относятся к событиям, произошедшим после передачи показаний от японских спецслужб к немецким, а также после отправки показаний Люшкова из германского посольства в Японии в Германию, сделан вывод о том, что материалы допросов сфальсифицированы не японской стороной, а немецкими нацистами. Искажения были сделаны в интересах пропагандистской кампании по очернению СССР: Люшкову приписывались высказывания о намерении советского руководства начать агрессию против Германии и Японии одновременно. Примечательно, что с началом СВО показания Люшкова были изданы на русском языке с участием организации, позже признанной нежелательной на территории России.

Ключевые слова: Г.С. Люшков, М.Н. Тухачевский, Я.Б. Гамарник, Вторая мировая война, тройка НКВД.

Для цитирования: Орешенков С.В. Исторические фальсификации как способ идеологического давления на российское государство (на примере допросов Г.С. Люшкова) // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 20–27. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-20-27>

Research Article

**HISTORICAL FALSIFICATIONS AS A WAY
OF IDEOLOGICAL PRESSURE ON THE RUSSIAN STATE
(in terms of Genrikh Lyushkov's interrogations)**

Sergey V. Oreshenkov, Colonel of the Reserve of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia, svoreshenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6501-7029>

Abstract. This article examines the testimony of Genrikh Samoylovich Lyushkov, former head of the NKVD Directorate for the Far Eastern Territory, given to Japanese and German intelligence agencies after his defection to Japan on June 13, 1938, and transmitted to Germany in August of that year. It is shown that a significant portion of this testimony could not have been given by the defector: its author is clearly incompetent in matters of the Soviet Union's political structure in general and the NKVD in particular. Furthermore, the interrogation reports contain numerous anachronisms. Based on the fact that some anachronisms relate to events that occurred after the transfer of testimony from the Japanese special services to the German ones, as well as after Lyushkov's testimony was sent from the German embassy in Japan to Germany, it was concluded that the interrogation materials were falsified not by the Japanese side, but by the German Nazis. The distortions were made in the interests of a propaganda campaign to denigrate the USSR: Lyushkov was credited with statements about the Soviet leadership's intention to launch aggression against Germany and Japan simultaneously. It is noteworthy that Lyushkov's testimony was published in Russian by an organisation, which is currently subject to political censorship in the Russian Federation.

Keywords: Genrikh Lyushkov, Mikhail Tukhachevsky, Yan Gamarnik, Second World War, NKVD troika.

For citation: Oreshenkov S.V. Historical falsifications as a way of ideological pressure on the Russian state (in terms of Genrikh Lyushkov's interrogations). Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 20–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-20-27>

Актуальность данной работы обусловлена попытками наращивающих русофобию кругов обвинить СССР в развязывании Второй мировой войны или хотя бы уравнивать в этом вопросе СССР и страны «оси». В качестве примера можно привести некоторые учреждения, впоследствии признанные организациями¹, представляющими угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства². Именно такая организация в 2016 г. способствовала публикации оцифрованных копий «материалов допросов Люшкова» на немецком [Дело], а в 2022 г., посредством подачи соответствующей идеи, добилась их публикации уже на русском языке [Захаров: 31]. Авторы книги, несмотря на свою тщательную работу со справочным аппаратом – издание содержит 1256 примечаний – проигнорировали не только подмеченное ими самими огромное количество неточностей и противоречий в показаниях Люшкова, но и собственные выводы о его разительной некомпетентности в элементарных вопросах государственного устройства и общественной жизни СССР, а также, что немаловажно, функционирования органов НКВД [Захаров: 16, 22, 266, 269], умолчав о главном.

Главное из расхождений «показаний» Люшкова с действительностью заключается в описании СССР как страны, готовившей одновременную агрессию против Японии и Германии. Представление Советского Союза государством, готовившим Вторую мировую войну, однозначно противоречит установленному Международным военным трибуналом в 1946 г., поскольку вина в подготовке войны возложена им целиком на нацистов. Демонстрация в данной статье прямых заимствований представителями недружественных России стран разработок Министерства народного просвещения и пропаганды нацистской Германии может содействовать контрпропаганде, послужив еще одним доказательством борьбы РФ не столько с украинским нацизмом, сколько с нацизмом вообще.

Цель работы: изучение на основании доступных материалов правдоподобности показаний Люшкова после его побега в Японию, как сделанных непосредственно им, и вероятности наличия в них корректировок, внесённых спецслужбами Японии и Германии.

Введение. Начальник Дальневосточного управления НКВД СССР Г.С. Люшков бежал в Японию через территорию оккупированной ею Маньчжурии 13 июня 1938 г. Мотивами, которыми он обосновывал свой побег, были опасения якобы ожидавшей его «чистки» [Трехсвятский: 95] и несогласие со сложившейся, по его мнению, ситуацией в стране: «ленинизм потерял стержневую роль в политике партии» [Трехсвятский: 96]. Подобные заявления нельзя

воспринимать без здорового скепсиса, так как «по некоторым данным, под его руководством было репрессировано не менее 70 тысяч человек» [Каравашкин: 367], хотя и эти сведения требуют дополнительного исследования. В любом случае сам Люшков признаками грозящего ему ареста, вынудившими его к побегу, назвал аресты других высокопоставленных работников НКВД [Захаров: 64], которые были привлечены к уголовной ответственности и не реабилитированы до сих пор, таких как Заковский [Петров, Скоркин: 199] и Леплевский [Тумшис, Золотарёв: 392]. Не реабилитирован и арестованный незадолго до побега Люшкова его непосредственный подчинённый Каган [Тумшис, Золотарёв: 324]. Таким образом, в качестве истинных мотивов перебежчика можно предполагать стремление избежать наказания за вполне конкретные преступные деяния, а не боязнь оказаться репрессированным без вины или борьбу за истинный, «ленинский» социализм.

В Японии Люшкова допрашивали местные спецслужбы, а позднее – представители нацистского Абвера. В иностранной прессе тогда же было опубликовано несколько его интервью и некие «дневники» перебежчика, представленные японской стороной как написанные им после побега, а в настоящее время считающиеся утраченными [Трехсвятский: 95]. Сводные документы (на немецком языке) по итогам допросов Люшкова были захвачены советскими войсками в составе архива Главного командования сухопутных войск вермахта, после чего хранились в ЦАМО РФ [Захаров: 14].

Интервьюирование перебежчика для прессы обычно происходит под надзором пропагандистских ведомств государства-акцептора, нередко враждебного государству-донору беглеца. Люшков не стал исключением и, поскольку японскому правительству в то время для оправдания своих милитаристских устремлений требовалось запугать собственное население угрозой СССР, в выдержках из «дневников» перебежчика заявлялось, что Советский Союз «умышленно помогает Китаю затянуть войну в надежде, что, когда Япония будет окончательно истощена, Москва нанесёт ей решительный удар» и с этой целью «к востоку от Байкальского озера Сталин сосредоточил уже 400 000 солдат, 25 стрелковых дивизий и 2000 бомбовозов», «Китай – только игрушка в руках Сталина» и что «Китай будет превращён в большевицкую вотчину» [В Токио].

Одной из важнейших функций средств массовой информации является пропаганда, поэтому к заявлениям перебежчика, опубликованным в открытой печати, нельзя не относиться критически. Другое дело допросы в спецслужбах, где перебежчик должен сообщать только достоверные факты, в противном случае возникнут подозрения в шпионаже на стра-

ну-донора с уголовным преследованием и даже ликвидацией без какого-либо суда и следствия. Поэтому нельзя не усомниться в ответе Люшкова на заданный ему летом 1938 г. вопрос «Куда будет направлен главный удар СССР – против Японии или против Германии?»: «Основная идея советского военного планирования заключается в том, чтобы **одновременно перейти в наступление** на восточном и на западном фронтах» (выделено мной. – С. О.) [Захаров: 58].

Ещё более неправдоподобен этот ответ в связи с противоречием перебежчика самому себе в следующем абзаце: «... момент, когда [Германия] поставит под свой контроль Польшу, Чехословакию и другие малые страны и напрямую выйдет на линию государственной границы с Советским Союзом, кажется ещё весьма отдалённым» [Захаров: 58]. То есть, по словам Люшкова от 1938 г., напасть на Германию планирует СССР, но именно Германия своей агрессией обеспечивает общую границу для предоставления Советскому Союзу возможности нападения.

Среди множества ложных заявлений Люшкова особое место занимает это: «Красная Армия должна стать решающим оружием в борьбе с капиталистическими государствами. Ее основная задача заключается **не** в ведении **оборонительной** войны, а в ведении войны **наступательной**. Доктринальная установка СССР в отношении капиталистических государств предполагает установление власти советского типа во всех капиталистических государствах или в одной отдельной стране. Исходя из этой идеи, **мысли о ведении оборонительной войны** какого-нибудь **Тухачевского** и других являются вредными» (выделено мной. – С. О.) [Захаров: 95–96].

Явное несоответствие действительности этому пассажи, пересланному в Германию по линии Абвера 10 августа 1938 г. в составе документа «Сводка показаний Люшкова. Из японских допросов» [Захаров: 35], о Тухачевском как стороннике оборонительной войны было авторами подмечено и опровергнуто со ссылками на работы Ю.З. Кантор и Б.В. Соколова: «... Тухачевский отнюдь не являлся сторонником оборонительной войны с капиталистическими государствами. ... К середине 30-х годов маршал **Тухачевский** в качестве 1-го заместителя наркома обороны СССР **являлся убежденным сторонником наступательной войны**. Он считал своей главной задачей подготовку РККА к будущей войне, **допуская милитаризацию экономики СССР**. Его предложения о реорганизации Красной Армии предполагали ускоренное развитие в первую очередь **наступательных** видов вооружений... Под его непосредственным руководством была разработана **теория глубокой наступательной операции**, предполагавшая решительные наступательные действия крупных механизированных соединений. **Являясь сторонником**

наступательной стратегии, Тухачевский...» (выделено мной. – С. О.) [Захаров: 354].

Люшков, служивший не в Красной Армии, а в НКВД, мог искренне ошибаться, сообщая на допросах свои личные предположения о советской военной доктрине вообще и миролюбии Тухачевского в частности. Однако на допросах от него требовалось сообщать именно факты, а не заявлять нечто, что было бы «вполне “политически рентабельным”» [Захаров: 353]. Самое же важное в том, что многое из остального, сообщённого Люшковым спецслужбам, явно исходило не от него или было сказано не летом 1938 г.

Анахронизмы в показаниях Люшкова. Генрих Люшков летом 1938 г. не мог описывать Тухачевского живым, чьи мысли до сих пор «**являются** вредными» – вследствие расстрела последнего за год до побега Люшкова в Японию.

Авторы книги «Чекист, сбежавший к самураям» подробно описывают проблемы при переводе показаний Люшкова, говоря о затруднениях с военными и политическими терминами, именами собственными и географическими названиями [Захаров: 26, 27]. Однако в книге ни словом не упомянуты обстоятельства, которые могли бы привести к искажениям времён глаголов, применённых Люшковым. Аналогично исследователь, переведивший заявления перебежчика с японского на русский, просит извинения только «за возможные неточности в географических названиях, именах и фамилиях, неизбежные при обратном переводе с довоенного японского» [Трехсвятский: 91].

Тухачевский – не единственный человек, в отношении которого Люшков допустил анахронизмы прошлого. Более того, когда речь идёт о других людях, которых на тот момент не было в живых уже около года, глаголы настоящего времени усилены применёнными им наречиями, подчёркивающими текущий момент: «Элементы, которые **планируют** государственный переворот, чтобы установить единоличную власть военных, в большинстве своем они **являются** офицерами царских времен. Сюда **относятся** Тухачевский, Уборевич, Каширин, Орлов и др. Те военные, которые раньше работали со Сталиным, но **теперь видят** ошибки его политики и **желают действовать** со всеми остальными недовольными элементами. Подобные настроения, по большей части, **выражают** представители армейского командования. Здесь называют имена Гамарника, Якира, Сангурского, Дубового и др.» (выделено мной. – С. О.) [Захаров: 51].

Судя по заметке в газете «Правда», иностранной прессе ровно за год до побега Люшкова было известно о смертном приговоре некоторым военным, упомянутым в сводке его показаний от 10 августа 1938 г.: «Вся парижская печать сообщает о приговоре Спе-

циального судебного присутствия Верховного Суда Союза ССР по делу фашистских шпионов – Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана, Примакова, Путны» [Отклики].

Другие фигуранты (Путна, Корк, Эйдеман), о расстреле которых парижская печать информировала 13 июня 1937 г., в сводке показаний Люшкова от 10 августа 1938 г. описываются им аналогичным образом – с применением глаголов и наречий настоящего времени: «принадлежат», «продолжают» и «отныне склоняются» [Захаров: 51]. Эти же люди с добавлением Примакова, упомянутого «Правдой» в июне 1937 г. как расстрелянного, перечисляются Люшковым в качестве живых и в сводке показаний от 12 августа 1938 г.: «отличаются», «становятся все более националистично настроенными», «относятся» [Захаров: 74].

Попытки Люшкова в августе 1938 г. убедить японские спецслужбы в способности расстрелянных в июне 1937 г. Якира или Тухачевского что-либо «теперь» видеть или планировать могли привести только к подозрению его в повреждении рассудка или шпионаже на СССР. Столь же безрассудно с его стороны было пробовать убедить анализировавшие советскую прессу спецслужбы в аресте Гамарника [Захаров: 51], который в реальности ареста избежал [Хроника]. Ещё более опасным для Люшкова было пытаться ввести японские спецслужбы в заблуждение, предоставляя им неполные данные о задачах управления государственной безопасности НКВД [Захаров: 37, 269] или не соответствующие действительности сведения о подразделениях НКВД, осуществляющих охрану советского и партийного руководства [Захаров: 36, 269]. И вовсе за гранью «провала» оказался бы Люшков, если бы японцы, проверив его показания, узнали бы, что некий Подорипский никогда не командовал 2-м полком НКВД в Хабаровске, поскольку в 1937–1938 гг. на этой должности пребывали Д.В. Казакевич и П.И. Мышков [Захаров: 44, 280].

Достоверные сведения из «сводок показаний Люшкова» были актуальны не позднее конца мая 1937 г., то есть до сообщений СМИ об арестах или осуждении фигурантов дела Тухачевского, когда сторонники Троцкого составляли «планы по смещению или даже ликвидации И. Сталина и его соратников» [Бортников]. Очевидно наличие не менее двух источников предоставленной Люшковым информации. Один из них был прекрасно осведомлён в тайных настроениях высшего командного звена Красной Армии, включая мотивы недовольства, другой – даже не сумел достоверно передать изложенное в прессе, отнеся к арестованным застрелившегося на свободе Гамарника. Предполагая, что первым информатором был всё же Люшков, необходимо допустить и его работу на иностранные спецслужбы уже весной 1937 г.,

однако это допущение «материалами допросов Люшкова» не подтверждается. Предположение о Люшкове как о втором, крайне некомпетентном информаторе тоже противоречит материалам его допросов, так как он, несмотря на прохождение службы на Дальнем Востоке, пытался заявлять о себе как об осведомлённом в происходящем даже в кулуарах Кремля: «Позднее, в 1938 г., по этому вопросу было проведено второе расследование. Когда Москва получила меморандум японцев, Сталин ругался, заявив, что все это лишь предлог для проникновения японских предпринимателей в СССР» (выделено мной. – С. О.) [Захаров: 117].

Меморандум был направлен летом, уже после майского отзыва перебежчика в Москву, а поручение НКВД временному поверенному Сметанину и во все было выдано после бегства Люшкова в Японию – 7 июля 1938 г. [Захаров: 365]. Поскольку точная дата вручения японского меморандума неизвестна, слова перебежчика «Сталин ругался» нельзя гарантированно отнести к анахронизмам уже будущего, однако эти слова тоже позволяют допустить наличие разных информаторов, чьи сведения могли быть включены в «материалы допросов». Ещё одним свидетельством наличия не менее двух источников сведений для сводок показаний Люшкова является другая пара его противоречивых заявлений. Одно из них таково: «Гулин сам на допросе сказал мне (Люшкову) следующее: “Блюхер в состоянии алкогольного опьянения ругал комиссариат внутренних дел, зlostным образом критиковал процедуру арестов и сказал, что он (Блюхер) якобы был рекомендован правой партией на пост главнокомандующего Красной Армией, тогда как Люшков должен был стать народным комиссаром [внутренних дел]”» [Захаров: 52].

Данное утверждение частично допустимо, поскольку помощник Блюхера по материальному обеспечению Гулин был арестован до майского вызова Люшкова в Москву – 24 февраля 1938 г.³ Однако перебежчик в протоколах допросов ни слова не говорит о своём примыкании к «правым», которые, не склонив заранее Люшкова на свою сторону, вряд ли стали бы планировать его на должность наркома внутренних дел СССР.

В любом случае второе упоминание Гулина перебежчиком противоречит и первому упоминанию о нем, и действительности, и логике: «Блюхер якобы сказал Гулину, что Люшков до своего отъезда наркоматом внутренних дел хотел переманить Блюхера на свою сторону и что «правые» в одном из писем выражали желание сделать Блюхера своим вождем» [Захаров: 76].

Слово «якобы» в отличие от прямой речи Люшкова в первом варианте описания общения Блюхера с Гулиным говорит о передаче информации с чьих-то

слов, вследствие чего она могла быть искажена, а собеседником Блюхера попросту был не Гулин, чего Люшков не мог не знать. В любом случае маловероятно, чтобы Блюхер навещал пребывающего под следствием Гулина и сообщал ему компрометирующие самого себя сведения. Следовательно, противоречивые описания Люшковым бесед Блюхера с Гулиным являются переходной формой между искажениями перебежчиком прошлого и его не вполне удачными попытками описать будущее.

«Подозрение о моем предстоящем аресте у меня появилось, исходя из следующих обстоятельств: был арестован председатель Дальневосточного крайисполкома Легконрахов, были отозваны в Москву, а затем арестованы начальник областного управления НКВД по Ленинградской области Заковский, народный комиссар внутренних дел Украины Леплевский, с которым я находился в хороших дружеских отношениях, в Москву также был отозван целый ряд старых чекистов, таких как Берман (народный комиссар внутренних дел в Белоруссии) и Дмитриев (начальник Управления НКВД по Свердловской области). Я понял, что их отзыв не является случайным. В КОНЦЕ МАЯ Я САМ ПОЛУЧИЛ ОТ ЕЖОВА ТЕЛЕГРАММУ О МОЕМ ОТЗЫВЕ НА ОДНУ ИЗ ДОЛЖНОСТЕЙ В МОСКВУ. Это совпало с пребыванием в Москве Блюхера, который, как я точно знал, плел интриги против меня и Стацевича. Вскоре после этого пришла телеграмма об освобождении Стацевича от должности и его отзыве в Москву. Исходя из многолетнего опыта, я знал, что означают такие отзывы. Мое положение стало мне очевидным. Я решил бежать» (выделено в оригинале. – С. О.) [Захаров: 64].

Прежде всего, Стацевич был освобождён от должности после и именно из-за побега Люшкова [Захаров: 315], что опять демонстрирует искажения перебежчиком действительности. Далее, маловероятно, чтобы Блюхер, проходя службу в Красной Армии, да ещё и пребывая в Москве, оказался осведомлён об отзыве Люшкова, осуществлённом по линии НКВД. И даже если Блюхер, всё же как-то проведя об этом факте, незамедлительно выехал в Хабаровск, перемещение должно было занять у него около 9 суток (передвигавшийся на спецпоезде в 1937 г. из Москвы в Хабаровск Люшков добирался с 31 июля до вечера 9 августа [Захаров: 70]). Таким образом, для разговора Блюхера с арестованным Гулиным или кем-то, обозначенным как Гулин, и для передачи этим неизвестным содержания беседы Люшкову, имелось бы всего несколько дней, тогда как готовящемуся к переходу границы перебежчику было не до сбора подобной информации. Более вероятно, что если Блюхер и сказал кому-либо о переманивании его Люшковым на свою сторону, то сделал он эти заявления уже после побега Генриха Самойловича.

Самая важная демонстрация Люшковым своих «пророчеств», являющихся, по сути, анахронизмами будущего, приведена в сводке его показаний от 10 августа 1938 г. в заявлении о Фриновском как о *бывшем* государственном секретаре комиссариата внутренних дел [Захаров: 59]. Неверное наименование должности заместителя Ежова ещё может быть отнесено к ошибкам из-за тройного перевода показаний перебежчика. Однако Люшков не мог заявлять о назначении Фриновского на замену себе после своего побега в Японию: «Я предполагаю, что и при назначении Фриновского начальником ГУГБ и ДВК надзор за Блюхером сыграл решающую роль» [Захаров: 66].

Люшков не мог этого знать не только из-за своего пребывания в Японии, но и в связи с тем, что «служебных должностей в Дальневосточном крае (ДВК) Фриновский не занимал» [Захаров: 316].

В любом случае «бывшим» заместителем Ежова Фриновский станет после назначения на должность наркома ВМФ СССР и случится это только 8 сентября 1938 г. [Ивкин: 171], то есть через месяц даже не после побега Люшкова, а уже после отправки в Германию сводки его показаний с описанным анахронизмом будущего.

Таким образом, очевидно, что некоторые события, описанные в показаниях Люшкова, произошли в СССР уже после его побега в Японию, а часть событий – даже после отправки его показаний в Германию. Следовательно, данные получены не от перебежчика и не в результате искажений при переводе. Неточности в описании действительности вновь свидетельствуют о низкой осведомлённости источника информации.

Обсуждение материалов исследования. Из изложенного вытекает, что по крайней мере часть материалов допросов Люшкова записана не с его слов и автором этой фальсификации могут быть как японские, так и немецкие спецслужбы.

С одной стороны, известны факты «творческой» работы японской стороны с полученной от Люшкова информацией. В августе 1938 г. в секретном издании «Гайдзи гэппо», предназначавшемся для полиции, был опубликован следующий текст «дневника» (но не показаний) перебежчика: «Незадолго до этого в Москву был вызван и казнён секретарь Дальисполкома Легконрахов» [Трехсвятский: 90, 95].

Легконрахов действительно был арестован до отзыва Люшкова в Москву, но казнён только через полтора месяца пребывания перебежчика в Японии⁴, что подчёркивает факт издания, а следовательно, и написания «дневника Люшкова» исключительно в пропагандистских целях. Вместе с тем в немецком тексте показания Люшкова (в отличие от «дневника») в части, касающейся Легконрахова, приведены без хронологических искажений (без упоминания

казни): «...был арестован председатель Дальневосточного крайисполкома Легконравов» [Захаров: 64].

Не менее серьёзные расхождения имеются между тем, что в «Гайдзи гэппо» именовалось уже не дневником, а показаниями Люшкова, и тем, что японцы передали германской стороне. В частности, в японской версии протоколов допросов Люшков подробно и обстоятельно рассказывает о способах и методах ведения разведки Советским Союзом, даже о разведдеятельности РККА и ВКП(б), а также описывает пути заброски агентуры через третьи страны и привлечение граждан третьих стран для шпионажа в Японии в пользу СССР [Трехсвятский: 92–93]. Однако в немецкой версии материалов допросов перебежчик говорит о своей недостаточной информированности в вопросе ведения разведывательной деятельности Советским Союзом: «Сколько шпионов работает на СССР, я не знаю. Раньше существовал большой, хорошо организованный разведывательный аппарат. Но Ежов после своего назначения систематически разрушал этот аппарат. Он подозревает всех и каждого в разведывательной работе на противника. Мне известно, что Ежов с помощью назначения новых “надежных” лиц хочет реорганизовать нашу разведывательную сеть» [Захаров: 65]. Данное утверждение Люшкова больше соответствует имеющемуся в настоящее время научному консенсусу о роли Ежова в развале советской разведки.

Следовательно, японцы, корректировавшие «дневники» и «показания» Люшкова для манипуляций с общественным мнением своей страны и воспитания бдительности в рядах полиции, союзников-нацистов обманывать не стали. Довольно нелогично допустить, что они подсунили бы союзникам материалы допросов с анахронизмами, опровергаемыми даже данными открытой печати. С учётом же того, что анахронизмы будущего появились в немецкой версии уже после отправки материалов допросов Люшкова из Токио в Берлин, становится понятно, что в отношении немецкого текста «показаний Люшкова» автором подделки была не японская, а немецкая сторона.

Очевидно, мотивом фальсификации было доказать мировому сообществу агрессивность Советского Союза, чем нацистская Германия и пыталась оправдать своё нападение на СССР. В Ноте германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза от 21 июня 1941 г. среди причин нападения Германии на СССР звучала всё та же угроза превращения в большевистскую вотчину, только, разумеется, угроза, надвигающаяся уже не на Китай, а на Европу [Нота: 32–40]. «Большевизация», с которой якобы боролись нацисты, упоминается в Ноте шесть раз, не считая обвинений Советского Союза в явной враждебности к Германии. Аналогичным об-

разом в январе 2026 г. президент США Д. Трамп заявлял о защите Гренландии от России и Китая [Трамп], а в 1943 г. доходило до того, что в нацистской пропаганде «сталинский план большевизации Европы» оказался «одобренным Рузвельтом и Черчиллем» [Тарусский].

Спустя 50 лет, в 1993 г., избежавший правосудия нацист Дегрелль продолжал утверждать, что нацистская Германия даже после обретения общих границ якобы не собиралась нападать на СССР, европейская часть которого давно и неоднократно была объявлена жизненно важным для немцев пространством – войну-де развязал Молотов, потребовав от Германии уступить контроль над другими, тоже весьма значимыми для последней территориями: «Молотов поставил Германии невыполнимые геополитические условия: контроль СССР над Румынией, Финляндией, частью Скандинавии. Это означало бы самоубийство для Третьего Рейха. Самое главное – Румыния. Требование Молотова отдать Румынию под влияние СССР означало отделение Германии от единственного серьёзного месторождения нефти в Европе <...> После требования Румынии в 40-м году уже не имело значения, кто первым начнет военные действия – Германия или СССР. Война была фактически объявлена» [Дугин: 48].

У Люшкова в СССР уже летом 1938 г. объявлены вредными миролюбивые мысли Тухачевского, на самом деле таких идей не имевшего. У Люшкова тогда же Советский Союз, не имея с нацистами общей границы, уже планировал одновременное нападение на Германию и Японию.

Нацисты на протяжении 1938–1945 гг. имели возможность для подделки своих собственных материалов допросов, и это не единственный подобный случай. Известно не меньше двух эпизодов фальсификации ими других документов собственных ведомств.

Первый – это изменения в судовом журнале подводной лодки U-30, потопившей пассажирский лайнер «Атения» [Стенограмма: 271–272]. Мотив очевиден – уклонение от ответственности за ничем не спровоцированное убийство некомбатантов.

Второй из изменённых самими нацистами документов – донесение Айнзатцкоманды 6 о структуре Управления НКВД Винницкой области⁵. На листе 11 донесения на основании доклада об обнаружении осенью 1941 г. соответствующих документов среди трофейных материалов Управления НКВД Винницкой области был сделан следующий вывод: «5) “Тройка” – трибунал, состоящий по одному представителю НКВД, Коммунистической партии и Исполкома. (Государство). Этот суд рассматривает серьёзные дела и выносит приговоры о ссылке в исправительно-трудовые лагеря или расстреле в качестве наказания».

Поскольку в Винницкой области в тройку входил начальник УНКВД, 1-й секретарь обкома и работники прокуратуры [Архив], Айнзатцкоманда не могла докладывать о документах тройки с представителем исполкома. Кроме того, в книге [Amtliches], изданной в 1944 г. по итогам проведённой нацистами эксгумации якобы жертв НКВД в Винницкой области, находка Айнзатцкоманды 6 от 1941 г. не упомянута. Вне зависимости от причин этого умолчания мотив фальсификации очевиден – перекладывание вины за массовые расстрелы в Виннице с нацистов и их пособников на НКВД СССР [Капитанов: 57–59].

Фальшивые протоколы допросов Люшкова не упомянуты в Ноте германского министерства иностранных дел правительству Советского Союза от 21 июня 1941 г. с перечислением всех нацистских предложений для агрессии, но это может свидетельствовать о том, что нацисты готовили документальные доказательства собственной невиновности после зимней кампании 1942–1943 гг., когда поражение Германии стало им очевидным.

Выводы. Многочисленные анахронизмы, содержащиеся в немецкой версии показаний Люшкова, свидетельствуют о подделке существенной их части. Эти документы сфальсифицированы спецслужбами не Японии, а Германии, поскольку содержат упоминания о событиях, состоявшихся после отправки протоколов германским посольством из Японии в Берлин.

Из явно не принадлежащих Люшкову вставок в протоколы следует цель фальсификации: обвинение СССР в намерении развязать агрессивные войны против Германии и Японии, по сути выставив СССР виновником Второй мировой войны.

Данная подделка нацистами собственных документов не уникальна, известны и иные подобные фальсификации. Некоторые из подделок всплыли и были разоблачены в ходе Международного военного трибунала, другие – проявляются только теперь, хотя самими нацистами использованы не были (скорее всего, по причине незавершённости фальсификации). Наиболее вероятно, что документы фабриковали после перелома в войне, произошедшего зимой 1942–1943 гг. и предназначали для создания раскола среди союзников по антигитлеровской коалиции. Множество признаков свидетельствуют о том, что работа по фальсификации показаний Люшкова не была доведена до конца. Тем не менее в настоящее время «материалы допросов Люшкова» используются нежелательными в России организациями с целью дискредитации уже не СССР, а его правопреемницы согласно 67.1 Конституции – Российской Федерации.

Попытки подобной дискредитации особенно усилились в связи с проведением специальной воен-

ной операции, и им необходимо противопоставить взвешенный научный анализ исторических данных в рамках борьбы с историческими фальсификациями, о необходимости которой неоднократно заявлял Президент РФ.

Примечания

¹ Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-inostrannyh-i-mezhdunarodnyh-organizacij-deyatelnost-kotoryh-priznana-nezhelatelnoj-na-territorii-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 28.12.2025).

² О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (в ред. от 28.12.2024), ст. 3.1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Гулин Сергей Фаддеевич // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Гулин_Сергей_Фаддеевич_\(1888\)](https://ru.openlist.wiki/Гулин_Сергей_Фаддеевич_(1888)) (дата обращения: 28.12.2025).

⁴ Легконравов Павел Константинович // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Легконравов_Павел_Константинович_\(1895\)](https://ru.openlist.wiki/Легконравов_Павел_Константинович_(1895)) (дата обращения: 30.12.2025).

⁵ Verfolgungsmaßnahmen damalige UdSSR // Arolsen Archives. URL: <https://collections.arolsen-archives.org/de/archive/1-2-7-20> (дата обращения: 10.01.2026).

Список литературы

Источники

Дело 232. Служебная переписка германского военного атташе в Токио // Российско-германский проект по оцифровке германских документов в архивах Российской Федерации. URL: <https://web.archive.org/web/20161004173555/https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1049-delo-232-sluzhebnyaya-perepiska-germanskogo-voennogo-attashe-v-tokio-s-otdelom-inostrannyh-armiy-ok#page/285> (дата обращения: 10.01.2026).

Дугин А.Г. Последний фольксфюрер // Элементы. 1995. № 6. С. 48.

Ивкин В.И. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991: историко-биографический справочник. Москва: РОССПЭН, 1999. 637 с.

Нота министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 32–40.

Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник / под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. Москва: Звенья, 1999. 502 с.

Стенограмма Нюрнбергского процесса: сб. документов. Т. 4 / пер., сост. С.А. Мирошниченко // Милитера: Военная литература: сайт. 2025. 578 с. URL: <http://militera.org/docs/all/s/b55290/> (дата обращения: 03.02.2026).

Тарусский Е. Иудейская ненависть // Новое слово. 1943. 21 апр.

Трамп заявил, что не допустит соседства США с Россией или Китаем в Гренландии // Первый канал: новости. URL: <https://www.1tv.ru/news/2026-01-10/530637> (дата обращения: 11.01.2026).

Тумишис М.А., Золотарёв В.А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг.: Опыт биографического словаря. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 848 с.

Хроника // Правда. 1937. 1 июня.

Исследования

Архив А.Н. Яковлева – Сталинский план по уничтожению народа: Подготовка и реализация приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» // Россия XX век: альманах. URL: <https://web.archive.org/web/20150428170932/http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1007240> (дата обращения: 02.02.2026).

Бортников А.В. ФСБ России свободна от политического влияния // Российская газета. 2017. 19 дек. URL: <https://rg.ru/2017/12/19/aleksandr-bortnikov-fsb-rossii-svobodna-ot-politicheskogo-vliianiia.html> (дата обращения: 29.12.2025).

В Токио опубликован дневник командарма Г.С. Лушкова // Новое русское слово. 1938. 4 июля.

Захаров В.В. Чекист, сбежавший к самураям / В.В. Захаров, М. Уль, В.Н. Хаустов. Москва: Вече, 2022. 464 с.

Капитанов В.А. О происхождении «10 лет без права переписки» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 55–62.

Каравашкин В.В. Кто предавал Россию. Москва: АСТ: Олимп, 2008. 672 с.

Отклики на приговор во Франции // Правда. 1937. 13 июня.

Трехсвятский А.В. Дело Люшкова // Россия и АТР. 1998. № 1. С. 90–104.

Amtliches Material zum Massenmord von Winniza. Berlin, Zentralverlag der NSDAP, 1944, 284 s.

References

Arkhip A.N. Iakovleva – Stalinskii plan po unichtozheniiu naroda: Podgotovka i realizatsiia prikaza NKVD № 00447 «Ob operatsii po repressirovaniu byvshikh kulakov, ugovnikov i drugikh antisovetskikh elementov» [A.N. Yakovlev's Archive – Stalin's Plan for the Extermination of the People: Preparation and Implementation of Order No. 00447 of the NKVD “On the Operation to Repress Former Kulaks, Criminals, and Other Anti-Soviet Elements”]. *Al'manakh Rossiia XX vek* [Almanac of Russia XX century]. URL: <https://web.archive.org/web/20150428170932/http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1007240> (access date: 02.02.2026). (In Russ.)

Bortnikov A.V. *FSB Rossii svobodna ot politicheskogo vliianiia* [The Russian Federal Security Service is free from political influence]. *Rossiiskaia gazeta* [Rossiyskaya Gazeta], 2017, Dec 19. URL: <https://rg.ru/2017/12/19/aleksandr-bortnikov-fsb-rossii-svobodna-ot-politicheskogo-vliianiia.html> (access date: 29.12.2025). (In Russ.)

Kapitanov V.A. *O proiskhozhdenii «10 let bez prava perepiski»* [About the origin of “10 years without the right of correspondence”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2025, vol. 31, no. 4, pp. 55–62. (In Russ.)

Karavashkin V.V. *Kto predaval Rossiiu* [Who betrayed Russia]. Moscow, AST Olimp Publ., 2008, 672 p. (In Russ.)

Otkliki na prigovor vo Frantsii [Reactions to the verdict in France]. *Pravda*, 1937, June 13. (In Russ.)

Trekhsviatskii A.V. *Delo Liushkova* [The Lyushkov case]. *Rossiia i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region], 1998, no. 1, pp. 90–104. (In Russ.)

V Tokio opublikovan dnevnik komandarma G.S. Lushkova [Commander G.S. Lushkov's diary published in Tokyo]. *Novoe russkoe slovo* [The New Russian Word], 1938, July 4. (In Russ.)

Zakharov V.V. *Chekist, sbezhavshii k samuraiam* [A Chekist Who Fled to the Samurai], V.V. Zakharov, M. Ul', V.N. Khaustov. Moscow, Vech Publ., 2022, 464 p. (In Russ.)

Amtliches Material zum Massenmord von Winniza. Berlin, Zentralverlag der NSDAP Publ., 1944, 284 s.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 04.02.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 04.02.2026; accepted for publication 15.04.2026.